

Алексей Любогин

Х У К К А

Хукка- в переводе с карельского значит- Волк. Но куда страшнее и непонятнее слово "Хукка".

Если верить сарафанному телеграфу, Хукка объявились в нашей деревеньке в тридцатые годы. О, в тридцатые годы это была большая деревня! Не то что сейчас: того и гляди перепашут.

А тогда Хукке было где развернуться. Тюль привезла. Шерсти мотки награбила. Она на Урале раскулачивала. И связалась- откуда хоть все это бабы узнают?- с каким-то стариком. Он дипломы делал. И достала она диплом инженера.

Ей и говорит председатель:

- Эй, инженер, чего гуляешь?

- А у меня диплом!

И все тут. Не хотела работать. Хотела веранду ставить. Кругом стекла. Тюль на окна- какого в деревне ни у кого нету. Да сгнили бревна. Сволк был- поворотил бревна да и плюнул.

В войну отца уморила голодом. Он в баню, мыться. А она его- на замок. Мать по миру ходить заставляла. Та слегла, да заживо и сгнила.

Сын-то десятилетку кончал в деревне. Она его в Москву повезла. В отрепьях. Дескать, вон как советский инженер бедствует! И дали ему, как бабы говорят, "пеньзю".

А в Москве Хукка стаканов десять холодной воды выдула, свалилась. В больницу увезли. Из больницы хотят выписать, упирается:

- Я советский инженер, у меня диплом, и себя выкинуть не дозволю.

Так и гастролировала.

А летом урожай с яблоков да вишен сымала.

Продавала в клубе. Так и жила.

А умерла она на чужой стороне. Во время гастролей. Тогда количество стаканов не рассчитала, то ли дождик, то ли снег...

— Ха-ха! — сказал мой средний брат, когда узнал о ее смерти. — Я у нее весь вишневый сад вырублю. Я здесь хозяин!

Натянул он отцовский топор да и задумался. Долго думал. Отложил топор да к столу. И вот что написал он, время от времени поглядывая на сбреченный куккин сад:

"...Соседи мои были неплохие в основном люди. Я говорю "были" в прошедшем времени: одни переехали в усадьбу совхоза, так как далеко ходить на работу, а другие ушли в ту страну, где, говоря стихами Сергея Есенина, "тиши и благодать". Недавно ушла и Хукка, она умерла вдалеке от отчего дома, и люди, с которыми я вращаюсь в совхозной жизни, говорили мне, что никто бы не пошел провожать ее в последний путь, так- родня разве, и все. Этую самую Хукку, а точнее Анну Кузьминичну Базарову знала вся округа от старого до малого. Ходила она всегда в рваной телогрейке и зимой, и летом, при встрече с людьми, которых она знала, она не здоровалась, а приветствовала словом "здравствуйте" только тех людей, которые ей нужны были по какому-либо делу, по ремонту дома и прочее. Жила она с матерью и сыном Альбертом. Мать Хукки была старушка лет под 80. Впрочем, никто не знал, сколько ей лет, так по виду человека

точно не скажешь, сколько ему лет, а у Хукки спросить об этом не решались, так как она по своему обыкновению, которое перешло скорее всего в инстинкт, обладала бы спрашивающего. Так вот эта-то старушка ходила всегда в грязном хлопчатобумажном халате. Никто не видел, чтобы она ходила в баню по субботним дням. Она выходила из своего дома с палочкой, похожей на самодельную тросточку, и со старым ветхим ведром, в который она собирала коровий помет по дорогам в деревне. Этим навозом она утепляла на зиму корни яблонь, которых в ее огороде было около полусотни. Яблони в этом саду стоят и сейчас..."

Брат, довольный собой, вздохнул пятерней и без того хохматую голову и покосился на топор.

"...Яблони в этом саду стоят и сейчас. Из полусотни яблонь хорошие плоды приносили только три дерева, остальные были дички. Вишни раньше обирали мы, а теперь перелетные птицы. Осенью Хукка собирала опавшие яблоки, складывая в сени своего дома, а зимой, когда в сельских торговых точках не было и в помине яблок, она выносила свой товар в корзинке и шла за два километра в совхозный центр, а вечером и в клубе торговала яблоками. Торговала оптом и штучно, и на эти доходы учила своего сына Альберта, сначала в школе, а после окончания десятилетки и в горном институте. Сама же Хукка, как она говорила, работала после революции в комиссии по раскулачиванию домов бывших царских офицеров и кулаков где-то на севере. В эту версию, рассказываемую Хуккой, мало кто верил. Потом она говорила, что окончила горный институт в Чите и показывала диплом,

но люди в основном думали, что диплом фальшивый. Хукка была до того не самостоятельная женщина, что говорила, что была сожительницей доцента горного института, и что от него у ней и сын Альберт. А диплом ей дал доцент, когда узнал, что она беременна от него, т.е., от доцента. Хукка шила у себя на дому разные заказы, кому платье сшьет, кому перелицует пальто и прочие швейные поделки, и делала она все эти заказы швейные в основном из своего материала. После, когда она умерла, и родственники рылись в ее вещах, то нашли два рулона шерстяной, уже полуспревной ткани и рулона три или более ситца... Последние пять лет своей жизни Хуккина мать не выходила из дома. Дочка говорила, что у матери от болезни и от долгого лежания на русской печи на боках пролежни, и что тело за живо гниет, так как бабка нигде не умывала свое тело четыре года. Соседки, ровесницы Хукки, советовали ей свезти бабку в совхозную баню, но Хукка говорила, что у бабки вид стал как у ведьмы, и ее все пугаются, а если везти в баню на лошади, то заколотить бабку в ящик, а потом уж и везти в баню. В баню она так старуху и не свезла. Все думали, что у старухи два сердца, так как она долго живет, но через некоторое время бабка умерла. Схоронили бабку тихо, без всяких по честей. Перед погребением бабку вымыли ее сверстницы; при этой процедуре присутствовал сельский фельдшер и, осмотрев бабкино тело, сказал, что она за живо сгнила. У Хукки был племянник, но он ее не признавал и за родню. Часто летом он лазал к ней в огород за яблоками и за клубникой. Сверстники хуккиного племянника побаивались лазать в ого-

род к Хукке, боясь ее ругани, похожей на вопли человека со слабым умственным развитием. Племянник же, зная свое родство Хукке, и убедившись, что у нее на двери висит замок, лазил в Хуккин огород, как в свой собственный. Однажды, убедившись, что тетушка нет дома и думая, что она ушла в совхоз за хлебом и прочими немудрящими продуктами своей кухни, племяш перелез через частокол огорода и стал лакомиться клубникой, что росла посреди огорода, в окружении яблонь, в полуницком виде, так как хозяйка за клубникой не ухаживала лет десять. Родственник обманулся в своих предположениях: Хукка не ушла в совхоз, а была умешци за водой на колодец. Возвращаясь домой с водой, она чуть не выронила ведра, увидев на дороге племянникову собаку, сидевшую возле ее огорода. "Собака на дороге- хозяин в огороде"- так после рассказывала всем Хукка. "-Я побежала в огород, а он, этот дурак,- так она окрестила своего племянника,- когда я закричала на него, что он топчет клубнику, повернулся ко мне задом, снял штаны, показал мне голую задницу и похлопал по ней ладошкой, потом намотал на руку куста четыре клубники, вырвал вместе с корнями и кидался в меня." Племянник же говорил, что ничего этого не было, и что старуха рисует напраслину..."

Брат отложил перо, в последний раз посмотрел на Хуккин огород, где только яблони да вишни знали, как все было на самом деле, и через минуту мать, распахнув окно в синий сентябрьский сумрак, кричала:

- Рубишь-то зачем? По кой черт яблони рубишь!

- Я ей весь сад вишневый вырублю! - отвечал брат, широко размахиваясь и подсекая яблоню с мелкими немногочисленными яблоками.

- Я ей весь яблоневый сад вырублю! Я здесь хозяин!
